

получено заключение Минздрава СССР на право серийного производства «Элитериса». Сам прибор осуществлял три функции. Это поиск точек акупунктуры, воздействие на точки тепловым полем или электрическими сигналами. Разумеется, тепловое поле имело возможность менять температуру, а электрические сигналы - менять форму, частоту и величину. Прибор в серии выпускался в течение более 10 лет. И по заключению врачей, пользующихся этим прибором, «Элитерис 5УМ-003» являлся лучшей отечественной моделью среди приборов аналогичного назначения. Правда, ЦКБ «Дейтон» за разработку прибора кроме пламенного привета из Пятигорска и «спасибо» ничего не получил. Перефразируя известного телеведущего: «такие были времена».

Длительное время в НПО «Элас» шла разработка слуховых аппаратов. 1981 году росчерком вышестоящего пера она оказалась в «Дейтоне». Вместе с главным конструктором А.Г.Алексеем Алексеем Львовичем Вышеславцевым. Генеральный директор НПО «Элас» Геннадий Яковлевич Гуськов с большим удовольствием выполнил приказ Министра, ибо кроме разработки он передал «Дейтону» и головную роль по слуховым аппаратам в отрасли, а также головную боль по её выполнению. В те годы разработка медицинской аппаратуры и, тем более, головные роли в отдельных её видах были под пристальным вниманием самых высоких сфер со всеми вытекающими отсюда последствиями. Г.Я.Гуськов не был бы самим собой, если бы он и тут нас не перехитрил. Роль разработчика слуховых аппаратов позволила ему в своё время построить сурдокамеру и приобрести весьма дорогостоящую измерительную импортную аппаратуру. Не помню название фирмы, но знаю, что страна её изготовителя - Дания. Под предлогом, что «Дейтону» передаётся разработка слуховых аппаратов, а не испытательное оборудование, он отказал в передаче аппаратуры, мотивируя свои действия тем, что этот уникальный измерительный комплекс нужен «Эласу» для каких-то работ, про которые нам ведать, не положено! Вам необходимы измерения? Приходите в «Элас» и пользуйтесь в свободное для нас время! Руководство Министерства не стало связываться с Гуськовым....

В электронной промышленности работы по слуховым аппаратам проходили в двух местах. Вариант аппарата с ушной заушиной разрабатывался в Таллинне на заводе полупроводниковых приборов имени Пегельмана. Второй вид аппарата, работа которого была построена на коррекции потери слуха по костной проводимости, разрабатывался на «Эласе», а потом у нас. Уже в сентябре 1982 года в конструкторскую документацию на слуховые аппараты была введена литера «О», что определяло начало изготовления установочной партии, которая проводилась на заводе «Вымпел» в Евпатории. Всё шло успешно. О чём было доложено на заседании коллегии Министерства 24 марта 1983 года. Однако до серийного производства аппаратов дело не дошло. Основной заказчик - Министерство здравоохранения по не известной для нас причине взяло курс на приобретение зарубежных изделий, чем всё и закончилось. Кальки конструкторской документации на аппараты до сей поры лежат не востребованными в архиве ЦКБ «Дейтон» без всякой надобности.

В отличие от слуховых аппаратов судьба разработки портативного дефибриллятора для скорой помощи в ЦКБ сложилась по-другому. И причиной тому было то обстоятельство, что заказчиком этой аппаратуры являлся Всесоюзный кардиологический научный центр АМН СССР и на техническом задании по разработке дефибриллятора стояла подпись академика Евгения Ивановича Чазова- директора этого центра и, одновременно, начальника 4 Главного управления Минздрава СССР. Я не

Вышеславцев А.Л.

могу понять причин, почему в НПО «Элас» разработка этого прибора проходила спустя рукава. По всей видимости, медицина для Г.Я.Гуськова было пятым колесом телеги. Его мысли, и, наверно, это было правильным, были заняты разработкой микроэлектронной аппаратуры для космоса, спутниковой связи и других крайне важных направлений техники. Впрочем, и в «Дейтоне», после передачи темы из НПО «Элас», разработка не набрала необходимых оборотов. У руководства отделения на первом плане была рефлексодиагностика. Всё остальное - потом. Так бы всё и продолжалось, тихо и не спеша, но в августе 1982 года А.Г.Алекса сообщил мне, что Е.И.Чазов изъявил желание встретиться с руководством ЦКБ «Дейтон», правоответственным после НПО «Элас» за разработку дефибриллятора.

И вот мы с А.Г.Алексой в точно назначенное время в кабинете Е.И.Чазова в кардиологическом центре. Приглушенное освещение. Мебель в спокойных и пастельных тонах. Ничего вызывающего. Обстановка, призывающая к тишине и спокойствию. К нетерпеливому, но важному разговору, скорее - беседе понимающих друг друга сторон. Столы буквой «Т». За столом хозяин кабинета. Евгений Иванович Чазов. С А.Г.Алексой он знаком. Анастас представляет меня. Садимся. Чай, кофе. Объясняем академику ситуацию с разработкой на сегодняшний день. Отсутствие комплектующих изделий для зарядного устройства, затруднения с производством и другой подобный лепет. Евгений Иванович слушает внимательно. Не перебивает, Но кожей чувствую, что наши проблемы его волнуют мало. Его интересует результат. И чем раньше - тем лучше. Действительно. Выслушав нас, Е.И.Чазов начал рассказывать нам, как необходим портативный дефибриллятор в скорой помощи, который врачи могли бы брать с собой из машины к постели больного, умирающего пациента, сколько жизней он бы спас. Как необходим этот прибор, который с помощью электрического разряда может прекратить беспорядочные сокращения или фибрилляцию сердца и заставить его перейти к нормальному функционированию и возобновлению перекачивания крови. Выслушанные слова были не лекцией о пользе медицинской техники, а нестерпимым желанием врача с большой буквы получить в руки инструмент, который мог бы спасти человеческие жизни. Такие встречи не забываются. В последующем я несколько раз встречался с Евгением Ивановичем, рассказывая ему о ходе работы. Он, в свою очередь, говорил о ходе медицинской апробации прибора, о необходимых доработках и других подобных делах.

Встреча с Е.И.Чазовым ускорила процесс разработки дефибриллятора. О посещении кардиологического центра мною было доложено В.Г.Колесникову. С его помощью удалось решить все вопросы по комплектации аппарата уникальными изделиями. Таких позиций было три. Это разработка высоковольтного тиристора на «Светлане» в Ленинграде. Высоковольтные конденсаторы Сарапульского завода. И, наконец, аккумуляторы для зарядного устройства, изготовлением которых занималось одно из предприятий Министерства электротехнической промышленности. Последние две позиции разрешались к применению только в ракетной технике. Но для тех, кто ищет и находит, не было ничего невозможного. 30 декабря 1982 года в свет вышел приказ Министра №698, озадачивших всех, кто участвовал в создании дефибриллятора конкретными сроками окончания работы. Для реализации установленных сроков в «Дейтоне» была организована комплексная бригада из специалистов 3 и 4 отделений в составе 40 сотрудников. Руководство бригады было поручено А.Г.Алексе, основным исполнителем и правой рукой которого был Вадим Анатольевич Срединский. Оплату труда бригады

Срединский Ю.А.

перевели на аккордную систему, установив соответствующие нормы времени и трудоёмкость. Намеченный график выполнения работ, предусматривающий изготовление 10 комплектов портативных дефибрилляторов и зарядных устройств, их регулировку и проведение заводских испытаний, был выполнен в заданный срок к 30 декабря 1983 года.

В дальнейшем, после завершения всех необходимых проверок и испытаний в Кардиологическом центре и подписания необходимых бумаг, конструкторская документация на дефибриллятор была передана Ижевскому мотозаводу, где находится в серийном производстве до сей поры.

В конце 1983 года в жизни 4 отделения произошли события, которые резко, с течением времени, поменяли и состав, и направленность работ. Мне по сей день неведомы причины, которые заставили Б.В.Тарабрина провести рокировку в руководстве 4 отделения. По распределению работ между директором и его заместителем по научной работе, дела 4 отделения лежали на нём. Я занимался отделением тогда, когда необходимо было решать вопросы по ходу разработки конкретных тем. Например, как это было со слуховыми аппаратами или дефибриллятором. Или рокировка была связана с излишней увлечённостью Л.С.Россиянского рефлексодиагностикой и запущенностью остальных направлений, или между ними пробежал кот чёрного цвета. Но факт остаётся фактом. 10 октября 1983 года приказом №149 Л.С.Россиянский был освобождён от должности начальника отделения №4 и назначен начальником лаборатории №440 - руководителем филиала в Голубом, а на место начальника отделения был назначен И.Ф.Ротарь, который в своё время уже имел опыт руководящей работы, будучи заместителем директора по науке в НИИ «Пьезотехники». То, что новый начальник это новые требования, новая метла - давно всем известно. Но с приходом к руководству И.Ф.Ротаря из «Дейтона» стали уходить ведущие сотрудники, а этого, по моему мнению, допускать было нельзя. Однако, свершилось. Первым специалистом, покинувшим «Дейтон» в марте 1984 года, был А.Г.Алекса, руководивший отделом, в котором шла разработка медицинской аппаратуры. В его личном деле мною был обнаружен документ, подписанный И.Ф.Ротарем, в котором Алекса обвинялся в различных смертных грехах, и, как результат, вывод, что Анастас Георгиевич не соответствует занимаемой должности. В течение последних двух лет я довольно плотно контактировал с Алексой и могу сказать, что все грехи, которые приписывались А.Г.Алексе, носили, как правило, надуманный и бездоказательный характер. В основе конфликта лежала личная неприязнь. Нашла коса на камень. Тем более, что Стас был упрямым молдаванином с крутym и твёрдым характером.

В апреле 1984 года предприятие покинул С.П.Шурин. Следом за ним по собственному желанию уволилась почти вся команда высокооплачиваемых медиков. С их уходом разработка научного обоснования рефлексодиагностики повисла в воздухе. Филиал №1 отделения, расположенный на стадионе «Динамо», своё существование закончил. Рефлексодиагностикой в «Дейтоне» продолжал заниматься лишь филиал в Голубом, где Л.С.Россиянский вместе с медперсоналом больницы продолжали набор статистических материалов. Причина спада коллектива и ухода квалифицированных медицинских работников была простой. И.Ф.Ротарь не считал рефлексодиагностику достойной своего внимания и не хотел поддерживать развитие работ в данном направлении. Для меня не очень понятна позиция Б.В.Тарабрина. Появление и развитие направления рефлексодиагностики в «Дейтоне» - это его детище. Благодаря этому направлению ЦКБ получило со стороны власть имущих большую долю известности и популярности. Заняли место в первых шеренгах.... Склонен думать, что Б.В.Тарабрин просто устал. Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт. В один из дней того года я присутствовал